

КИНОРАССКАЗЫ О МИРНОМ АТОМЕ

В наши дни трудно найти человека, который не интересовался бы проблемами «мирного атома». С ослепительной быстротой читаются сейчас в газетных сообщениях о ходе Международной научно-технической конференции в Женеве и популярные книги об атомной энергии. На улице или в автобусе неожиданно возникают горячие «атомные» споры. Рабочий, школьник, профессор истории — люди всех возрастов и специальностей с увлечением погрязают в загадочный мир мельчайших частиц материи.

И вот киноэкран знакомит вас с одним из самых удивительных явлений века — работой партии в мире атомной электростанции, созданной в нашей стране. В течение двадцати минут, пока длится просмотр фильма, зритель не может отделаться от ощущения, что перед ним внезапно открылось окно в будущее.

Достойное представление об атомных энергоустановках у многих сложилось и раньше, глядя на экран, нельзя вновь и вновь не подивиться и внешней простоте оборудования станции, и малочисленности остого в белые халаты обслуживающего персонала, и обилию хитроумных приборов, с безупречной точностью управляющих этой своеобразной «атомной печью» и в течение нескольких секунд обнаруживающих и устраняющих любые нарушения нормального хода процесса.

Как бы естественным дополнением к этому интереснейшему фильму служит другая, идущая сейчас в кинотеатрах картина «Меченые атомы». Фильм этот наглядно и общепонятно демонстрирует некоторые из наиболее интересных достижений, оригинальных экспериментов и неожиданных выводов, добытых в последнее время советскими учеными, использующими «меченые атомы» при распознавании болезней, изучении вопросов биологии и сельского хозяйства. Не охватывая всех областей их применения, фильм сообщает зрителю много интересного, а его хороший научный уровень обеспечен авторитетной консультацией наших выдающихся ученых.

Но если короткометражный фильм об атомной электростанции хорош и ценен именно своей документальностью, то картину, идущую более часа, можно считать по своему содержанию и художественным достоинствам «мечеными атомами». Фильм этот наглядно и общепонятно демонстрирует некоторые из наиболее интересных достижений, оригинальных экспериментов и неожиданных выводов, добытых в последнее время советскими учеными, использующими «меченые атомы» при распознавании болезней, изучении вопросов биологии и сельского хозяйства. Не охватывая всех областей их применения, фильм сообщает зрителю много интересного, а его хороший научный уровень обеспечен авторитетной консультацией наших выдающихся ученых.

С помощью мультипликации в фильме показано, как мельчайшие внутриатомные частицы — нейтроны расщепляют атомы урана, порождая при этом новые нейтроны, как в атомном «котле» идет цепная реакция и освобождаются атомная энергия и как возникающие в реакторе большие запасы тепла дают, в конечном счете, горячий пар, который и приводит в действие обычно обычную энергетическую установку. «Как это все просто!» — неизбежно подумает зритель. — И вместе с тем как необычайно сложно!

Следя за сменяющимися кадрами, неопытный, возможно, испытывает не меньшее удивление, чем человек, однажды разгадавший через микроскоп целый мир живых существ в капле воды или впервые направивший астрономическую трубу к далеким планетам и звездам.

Возвращаясь к кинокамере последовательно переносит нас то в главный зал, куда выходит верхняя часть атомного реактора, то к мозгу станции — центральному узлу управления, то в залы парогенераторов или насосов. Массивные двери, толстые бетонные стены, защищающие персонал от излучений, плазмодинамики из особого, свинцового стекла, «умные» самодельные ступицы кранов, ловко, без участия людей обходящиеся с опасными для здоровья человека радиоактивными урановыми стержнями, — все это производит неотразимое впечатление, вызывая мысль о том, что именно так, вероятно, будут выглядеть многие предприятия будущего.

Невольно сожалеешь о том, что фильм этот, будучи посвящен вершине современной советской науки и техники, настолько лаконичен, что даже несколько не затрагивает «Перла в мире», режиссер Д. Боголюбов, режиссер-мультипликатор Д. Антонов, операторы И. Касаткин, В. Высокосов, «Меченые атомы», постановка В. Шнейдерова, автор сценария проф. Г. Франк, главный консультант знад. А. Курсанов, оператор А. Шарфран.

Производство Московского киностудии научно-популярных фильмов.

ваит вопроса о том, какими путями наши ученые и инженеры пришли к этой вершине. Но и по тому, что видишь, можно представить себе, сколько таланта и упорства, сколько инициативы и знаний, сколько страстной любви к Родине и к своему делу нужно было тем, кто проектировал, строил, налаживал и искал в ход перенос советской и мировой атомной энергетики. Ведь задача была новой, беспрецедентной, и решать ее приходилось к тому же в обстановке международной напряженности, при отсутствии необходимого международного обмена научным опытом.

Фильм о советской атомной электростанции информативен, документален, и в этом его сила. Каждым своим кадром, каждой фразой дикторского текста он подчеркивает, что снятая в фильме станция — не плод фантазии писателя или кинематографиста, а сегодняшняя реальная действительность нашей техники. Никакой газетный репортаж, никакая книга или даже рассказ очевидца не могут соперничать с силой кинодокумента. Получить нечто большее можно разве только при личном посещении станции.

Как бы естественным дополнением к этому интереснейшему фильму служит другая, идущая сейчас в кинотеатрах картина «Меченые атомы». Фильм этот наглядно и общепонятно демонстрирует некоторые из наиболее интересных достижений, оригинальных экспериментов и неожиданных выводов, добытых в последнее время советскими учеными, использующими «меченые атомы» при распознавании болезней, изучении вопросов биологии и сельского хозяйства. Не охватывая всех областей их применения, фильм сообщает зрителю много интересного, а его хороший научный уровень обеспечен авторитетной консультацией наших выдающихся ученых.

Но если короткометражный фильм об атомной электростанции хорош и ценен именно своей документальностью, то картину, идущую более часа, можно считать по своему содержанию и художественным достоинствам «мечеными атомами». Фильм этот наглядно и общепонятно демонстрирует некоторые из наиболее интересных достижений, оригинальных экспериментов и неожиданных выводов, добытых в последнее время советскими учеными, использующими «меченые атомы» при распознавании болезней, изучении вопросов биологии и сельского хозяйства. Не охватывая всех областей их применения, фильм сообщает зрителю много интересного, а его хороший научный уровень обеспечен авторитетной консультацией наших выдающихся ученых.

С помощью мультипликации в фильме показано, как мельчайшие внутриатомные частицы — нейтроны расщепляют атомы урана, порождая при этом новые нейтроны, как в атомном «котле» идет цепная реакция и освобождаются атомная энергия и как возникающие в реакторе большие запасы тепла дают, в конечном счете, горячий пар, который и приводит в действие обычно обычную энергетическую установку. «Как это все просто!» — неизбежно подумает зритель. — И вместе с тем как необычайно сложно!

Следя за сменяющимися кадрами, неопытный, возможно, испытывает не меньшее удивление, чем человек, однажды разгадавший через микроскоп целый мир живых существ в капле воды или впервые направивший астрономическую трубу к далеким планетам и звездам.

Возвращаясь к кинокамере последовательно переносит нас то в главный зал, куда выходит верхняя часть атомного реактора, то к мозгу станции — центральному узлу управления, то в залы парогенераторов или насосов. Массивные двери, толстые бетонные стены, защищающие персонал от излучений, плазмодинамики из особого, свинцового стекла, «умные» самодельные ступицы кранов, ловко, без участия людей обходящиеся с опасными для здоровья человека радиоактивными урановыми стержнями, — все это производит неотразимое впечатление, вызывая мысль о том, что именно так, вероятно, будут выглядеть многие предприятия будущего.

Невольно сожалеешь о том, что фильм этот, будучи посвящен вершине современной советской науки и техники, настолько лаконичен, что даже несколько не затрагивает «Перла в мире», режиссер Д. Боголюбов, режиссер-мультипликатор Д. Антонов, операторы И. Касаткин, В. Высокосов, «Меченые атомы», постановка В. Шнейдерова, автор сценария проф. Г. Франк, главный консультант знад. А. Курсанов, оператор А. Шарфран.

Производство Московского киностудии научно-популярных фильмов.

ДЕТИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНЫ В ШКОЛУ!

Всегообщее обязательное семилетнее обучение давно уже прочно вошло в жизнь нашей советской страны. С каждым годом растет число сельской молодежи, окончившей средние школы. Однако не редки еще случаи, когда по вине родителей или по другим причинам дети бросают школу, окончив 3—4 класса. С таким случаем пришлось столкнуться и мне.

На хуторе близ деревни Нелезинки, Степановского сельсовета, Жабинковского района, проживает семья колхозника Р. И. Карпука. Вследствие болезни главы семьи Роман Игнатьевич принимает участие в колхозном труде не принимает. Не работает и его жена. Для того, чтобы не потерять права на приусадебный участок и прочие льготы, предоставляемые колхозникам, они решили забрать из 5-го класса нашей школы своего сына Владимира и послать его работать в колхоз вместо себя. Своих дочерей — 14-летнюю Вегу и 11-летнюю Надежду — расчетливые родители уже не первый год направляют на весь сезон пастби скоти и частных лиц. А ведь девочки не окончили и четверть классов!

Кто же виноват в том, что дети бросили учебу? Районные организации считают, что директор школы, и ограничиваются

только тем, что посылают нам бесконечные указания и распоряжения с требованием вернуть детей в школу.

Мы сами хорошо понимаем, что дети должны учиться, и принимали все меры для этого: провозили, уговаривали, ругали Карпуков, но все безрезультатно! Дети попрежнему не учатся.

По предложению района мы попробовали применить еще одно средство — организовать обучение на дому хотя бы старшего сына Карпука — Владимира. Но и из этого ничего не вышло. Спрашивается, до каких же пор школу будут ругать, почему нам никто по-настоящему не поможет?

Об этих фактах, а также о том, что отдельные граждане начинают ребят пастби свой скот, знают и милиция и прокуратура, однако никаких мер не принимают.

До начала учебного года остается меньше двух недель. Неужели же нет никаких средств воздействия на безответственных родителей, лишающих своих детей образования?

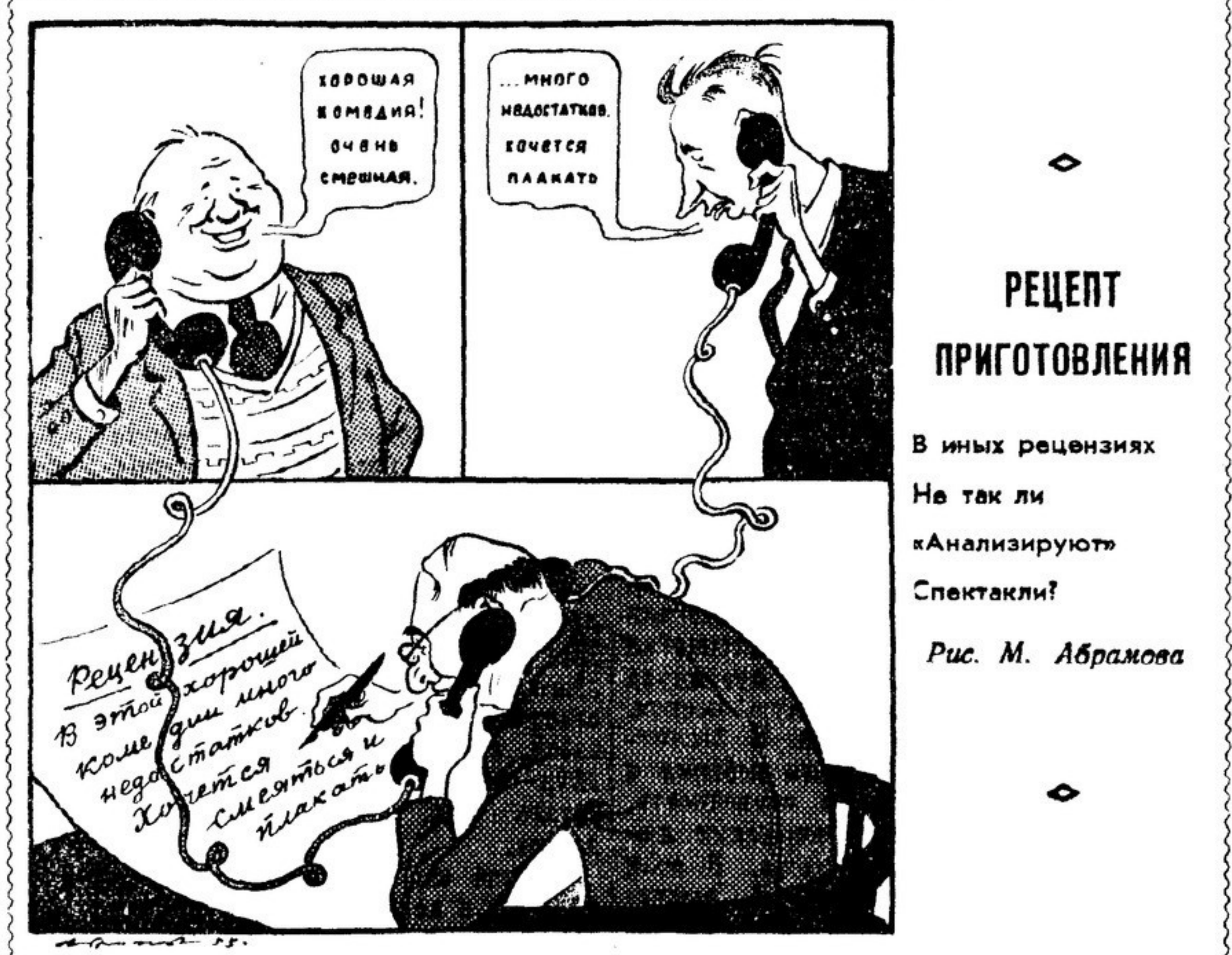
Г. ГЕРМАНОВИЧ,
директор Орелской средней школы
Брестская область

не посещают школу в связи с тем, что по найму пасут скот, занятые на различных работах в колхозах и дома». Председателям сельсоветов было предложено в пятидневный срок вернуть в школу всех детей, подлежащих всеобщему. Однако решение так и осталось на бумаге.

Поместив странную позицию в этом деле занял и районный прокурор тов. Захаревич. В беседе с нашим корреспондентом он заявил: «Я не получал официального письменного уведомления по этому поводу от директоров школ, да и вообще — это их дело. Нет такой статьи закона, которая запрещала бы наказать детей в пастухах».

Прикрывая свою бездельность «отсутствием статьи», тов. Захаревич забывает, что наше законодательство направлено на то, чтобы обеспечить интересы советских граждан, а не наоборот. В том, что в данном случае идет речь о нарушении закона о всеобщем, закона, который никто не отменял.

Само собой разумеется, что в подобных случаях нельзя снимать ответственность с родителей, которые лишают своих детей возможности учиться. Такие факты не могут не вызвать самого сурового осуждения со стороны советской общественности. Дети должны быть возвращены в школу!

РЕЦЕПТ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

В этих рецензиях
не так ли
«Анализируют»
Спектакли!

Рис. М. Абрамова

«ВСЕ ФЛАГИ В ГОСТИ БУДУТ К НАМ»

РЕПОРТАЖ

В полуночный час дремоту экипажей ежедневных бусириров разбудил громкий голос, раздавшийся из перекосных динамиков на берегу.

— Капитану бусирира «Ненец» немедленно зайти к диспетчеру! «Ненец», как и другие работяги-бусиририши, что, прижавшись друг к другу бортом, стальной стоят у стены гавани, готов к выходу — пар, как говорится, подерживается «на марке».

— В море! — кричал на ходу капитан «Ненец» Виктор Осипович Шучко, возвращившись от диспетчера. — Будем идти в море английской паролкой «Паталогия стар».

«Ненец» пошел на выход из гавани. Левый берег Морского канала предстал перед глазами в густой поросли корабельных мачт. Ошвартованные тугими маньчжурскими тросами, близко один за другим стояли британские, шведские, западногерманские, датские, финские и другие иностранные корабли. Слышались предупредительные звонки портальных кранов, с судов прямо на эстакады складов они извлекали пятитонные охладительные грузы.

Мы проходили близ этих причалов. С мостика «Ненец» отчетливо были видны лица грузчиков, стивидоров и моряков, участвовавших в сложной и стремительной операции выгрузки. Тонны импортных грузов, поданных на берег, подкапывались автопогрузчиками, отвозились в камеры холодильников или на тыловые площадки для перегрузки в поезда.

Еще «заминцили» тугими датского рефрижератора (это значит, осталось «накинуть» 150—200 тонн), а уже подняла свои грузозахватные стрелы стоящий рядом шведский теплоход. Визгивали маневровые паровозы, подталкивая порожняк к пакутам, складам. Сотни автомашин проходили под арками портальных кранов, чтобы на минуту подставить свои кузова и куда-то умчаться с тяжелой ношей.

«Ненец» ускорил свой ход. Слева по курсу высились кубообразная громада элеватора, распростирающегося пневматические рукава над палубами судов. На их трубах — фирменные знаки судовладельческих компаний Дании, Бельгии, Западной Германии. Лились в раскрытые трюмы могучие потоки отменной пшеницы. Добрым слухом нашего хлеба в заморские страны является завесенная, прославленный русский лес, завсегдатай мирового рынка. Лес здесь представлен во всем многообразии его деловых свойств.

— Вот и наш гость! — кричал Виктор Осипович, глядя вперед и переводя ручку машинного телеграфа на «средний».

Рефрижератор. Чуть сносимый течением.

«Ненец», медленно разворачиваясь, пошел на обложение. Шестеро матросов стали на корме, готовые принять тяжелый бусирир с парохода Рядом с ним «Ненец» выглядел совсем мальшом, и казалось невероятным, что он сможет потянуть за собой такую машину...

Кажется, никогда за послевоенные годы с таким широким размахом не проходила навигация в Ленинградском морском порту. Еще не было на своем штатном месте плывущего маяка «Ленинград», еще ледовые перемычки преграждали Финский залив, а первые иностранные суда уже подошли и в кромке льда. То были наши северные соседи — норвежцы, шведы, финны.

Неподалеку от «Рейланда» и «Фатерланда» стояли под трехцветными флагами Западной Германии крузеры, переклассенный теплоход «Ева Перон», пришедший из Аргентины. По корме у английского рефрижератора «Балтик импортер» — шведский теплоход «Миммер». Оба они совершили одинаковый путь из Французского Марокко, доставив в трюмах-холодильниках тысячи тонн апельсинов.

В то время, когда краны, работая наотмашь — вправо и влево, подавали на эстакаду ящики с фруктами, у причала остановилась машина, из которой не по летам проворно выскочил крупный мужчина в морской форме — начальник того же грузового района порта Леонид Павлович Макаров, один из старейших наших портовиков. Зимой мы встречались с Леонидом Павловичем в конторе деревянного домина, где нередко после работы происходили споры с противниками его замыслов. Говорил он стоя. Энергично жестикулировал и тыча пальцем в планшеты порта, доказывая, что именно здесь нужно строить дополнительные бетонированные площадки для грузов, а вот сюда подводить новую железнодорожную ветку...

И вот сейчас именно через второй район идет огромный поток импортных грузов.

Трудновато, — говорит Леонид Павлович, — но хорошо! Душа радуется — сколько у нас гостей! Нынче у нас побывали флаги двадцати двух наших мира. Как это у Пушкина сказано? «Все флаги в гости будут к нам...»

ЛЕНИНГРАД
На снимке: иностранные суда у причалов Ленинградского морского порта.
Фото автора

Народный поэт Франции

Завтра исполняется 175 лет со дня рождения замечательного французского поэта-песенника Пьер-Жана Беранже.

Он родился в Париже, в семье мелкого служащего, и воспитывался у своего дяди, портного. Долгие годы жил Беранже в бедности, был учеником часовщика, трактирным слугой, учился ювелирному и наборному делу. Нужда и голод не сломили воли будущего поэта. Он настойчиво учился поэтическому искусству, пробуя свои силы в разных жанрах.

Огромную роль в формировании таланта Беранже сыграла французская революция XVIII века. В его политической лирике ярко отразилась ненависть народных масс к возвратившимся Бурбонам. Вышедший в 1821 году сборник «Песни» навлек на Беранже судебное преследование, окончившееся трехмесячным тюремным заключением, «за оскорбление нравственности, церкви и королевской власти». Ожесточен-

но и страстно обрушился он в своих песнях на католическое духовенство и иезуитов, призывал к всеобщему братству, демократии.

Его песни вселяли бодрость в сердца народа. Сборник «Неизданные песни», вышедший в 1828 году, был немедленно запрещен и вступил в силу. Суд над Беранже превратился в триумф народного поэта. В тюрьме он создал ряд замечательных, бесподобных песен-памфлетов против Реставрации. Песни Беранже оказали большое влияние на творчество последующих поэтов-песенников Франции.

Заслуженной любовью пользуются песни Беранже в Советском Союзе. Его книги выпущены за годы советской власти тиражом, превышающим миллионы экземпляров. В связи с 175-летием со дня рождения Беранже Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы открывает выставку произведений поэта на русском и французском языках.

Для юного зрителя

На спектакле в Свердловском театре юного зрителя я сначала чувствовал себя очень неловко. Во-первых, меня смущал мой рост, который вдвое превышал «норму». Мне казалось, что человек, сидящий сзади, упирается взглядом мне в спину, что двое моих соседей, разделяющих одно кресло и одну порцию мороженого, недоваляли своим соседством: не только его, не печатая, смущало и то, что в этот день в Тюбозе давали водевил. Ведь водевил редко ставят даже «взрослые» театры. Но на часах спектакль, из-за моей спины регулярно раздается восторженный ойканье, мороженое закапало мне на ногу, и я успокоился. А потом увлекся. Спектакль был веселый, и все зрители дружно смеялись.

Пьеса В. Коростылева и М. Львова «Приключения Димки» — это три забавных водевиля, связанных одними героями. Здесь нет острых конфликтов, глубоких характеров, однако это не значит, что пьеса поверхностна и пуста. Во все нет. Жизнь, юность, увлеченность, легкость формы становятся большим достоинством, когда они выражают поучительную и умную идею. А это была именно такая пьеса. И думается, что поучительна она не только для школьников, но и для взрослых — отцов, матерей, педагогов, хотя, разумеется, поучительна по-разному. Я, во всяком случае, извлек из этого спектакля и удовольствие и пользу.

Ученик 4-го класса Димка (арт. Е. Волоскова) получил двойку. И, как у каждого нормального человека одиннадцати лет от роду, у него немедленно возникло желание уничтожить ее каким-нибудь фантастическим способом. Хорошо бы, например, стать невидимкой, пробраться в учительскую и втереть в классный журнал свои поправки.

Если бы Димка жил в нашей квартире, я уверен, что, услышав о неуразумной этой методе, мы, взрослые, дружно бы начали смеяться его, умно доказывая аморальность и пользу.

ность его замысла и т. д. и т. п. И долго бы еще Димка грустно думал о том, что неустрашимая, как солдатик, его идея необыкновенно хороша. Но автор пьесы пропел Димку в кларнете, где жили веселье и умные воспитатели разных возрастов, которые умели легко входить в мир детских представлений и переживаний. Димка хочет стать невидимкой? Показывает. Десятиклассник Вася (арт. В. Качочин) тут же изыскал из сумочки большую клетчатую кепку и с помощью своей сестры Гали (арт. В. Бакалдина) и деда профессора (арт. В. Лавров) быстро убежал парнишкой в волшебных свойствах этого головного убора.

Конечно, поначалу его это обрадовало, но радость была недолгой. То, что представлялось идеальным в проекте, в действительности оказалось просто глупостью: завтра учительница снова вызовет его и поставит еще одну двойку, и послезавтра, и послепослезавтра: не будешь же всю жизнь ходить в этой дурацкой шапке? Стала явной бессмысленность мечты, обнаружилась ее нравственная несостоятельность. Правда, Димка и раньше слышал, что так поступают дураки, — да мало ли что могут наговорить скучные взрослые люди? На этот раз окружающие не только не мешали, а как будто изо всех сил помогали ему довести затею до логического конца.

Но самой посылкой оказалась самая заманчивая мечта: «Вот если бы да меня все делали другие». Димке не давали и пальцем пошевелить, за него учили уроки, отменяли от него мух, за него удили рыбу, за него играли в футбол. А он сидел неподвижно и готов был зареветь от этой ужасно бездельной жизни. Хуже выткнул, чем пытка бездельем, не придумаешь. Значит, действительный труд — это не только обязательство, но и насущная необходимость.

В основу каждого из водевилей пьесы положена очень простая, можно сказать, прошенная истина, с которой ребята обстоятельно знакомы по обычным школьным занятиям. Но прелесть спектакля в том и состоит, что истины в нем есть, а правдоподобия нет. Незамысловатые, но содержательные сценки включают в себя тан-

цы, остроумные песенки, сопровождаются жгучей радостью музыки (композитор К. Балман), и неизменно, что юные зрители воспринимали зрелище как радостное различие, а не как моральную проповедь. Правда, в пьесе есть и важные места и недоконченности; правда, актерам не всегда хватало водевильной легкости, а режиссеру (А. Виленский) — смелой театральным выдумки, но это понятно, если принять во внимание полное отсутствие водевильного опыта у нашей детской драматургии и театра. Важно то, что зрители с интересом следят за сценическим действием и, смеясь, незаметно для себя охотно соглашаются с теми самыми моральными положениями, которые они не принимают в форме сухой нотации. С ними происходит то же, что и с Димкой.

Таким один из законов детской психологии, и, думается, нет ничего более полезного для воспитателя, чем знание этих законов. Зная особенности детской психологии, каждому из нас нетрудно найти разумные методы воздействия на ребенка, стать неплохим педагогом; знал лишь цели воздействия и педагогические ценности, никто не в силах изменить что-либо в детском характере. Искусство детского театра в лучших своих спектаклях не только выявляет психологические законы, но и выводит из них воспитательные методы, которые не могут не обладать большой убедительностью, ибо тут уже вступают в силу и законы театра, не терпящие фальши, искусственности, натяжек.

Почти и привлекательна деятельность актера детского театра — деятельность художника-педагога. Какое глубокое удовлетворение должен испытывать этот детский труд, который так близок к труду детского писателя! Надо сказать, что существует мнение, будто у тюзовского актера нет никакой специфики, и ему надо просто быть большим мастером театрального искусства для того, чтобы хорошо играть для детей. Кто же спорит о том, что, когда Горький и Маяковский писали детские книги, они это делали великодушно. Но ведь, кроме них, детскую литературу создавал и создает большой отряд литераторов, которые целиком отдали этому благородному делу все свои силы. Они довольно своей шумливой аудиторией, потому что работать для нее — их подлинное призвание. А актеры? Оказывается, некоторые из них попали в Тюбозе случайно и вступают на «большие» подмостки. И это не может не отражаться на уровне искусства

детей, не может не служить тормозом его развития: специфика детского театра требует от актера умения, любви, призвания, специальных знаний.

Не стоит спешить обвинять самих актеров. Полезнее попробовать разобраться в причинах этого явления. А причин немало. И первая из них — репертуар.

Актер прежде всего художник. Что же может быть естественнее его желания выплюнуть яркое, сильное человеческое характер? Что может быть законнее его стремления к многообразию творческой палитры, где есть и трагедия, и водевил, и обличение, и бытовая драма, и комедия, и даже фарс? А репертуар Тюбоза не только беден хорошими пьесами, — он скуден жанрами.

Как часто слышат Тюбозы справедливые попреки в «запрещенный» репертуар. Конечно, нецелесообразно было Свердловскому театру юного зрителя ставить «Годы странствий», тем более, что эту пьесу вскоре показал областной драматический театр. Вряд ли надо было включать в репертуар и «Джамии Галотти» Лессинга. И если все-таки это было сделано, то только потому, что неудержимо актерское стремление хоть изредка играть и трагедию и психологическую драму. Так иногда появляются спектакли, порожденные не столько потребностью зрителя, сколько потребностью самого театра. В недалеком отнюдь не будущем, и происходит оттого, что Тюбозы обычно игнорируют одну свою самую важную обязанность, разумное выполнение которой, думается, удовлетворило бы попутно и неутолимую жажду театра на «взрослой» пьесе.

Театр юного зрителя — могучий помощник школы в ее работе по эстетическому воспитанию. Школьники, разумеется, бывают и в других театрах, посещают выставки живописи, концерты, любят кино. Чем же Тюбоз отличается от всех этих многочисленных средств эстетического воздействия? Неужели только тем, что он ставит сказки и пьесы о самих ребятах? Школа вправе ожидать от него большего. Главное эстетическое оружие школы — урок литературы, на котором учитель приобретает репутацию величайшим образом прекрасного. Они изучают и классические произведения драматургии, но ведь мало прочитать пьесу, — она написана для театра и только на театре завершается всеми своими красотами. И если, например, Свердловский драматический театр не показывает зрительно Грибоедова, разве не обязанность Тюбоза воспитывать этот пробел? Этот театр должен осуществлять эстетическое воспитание не случайно, а планомерно, в тесном контак-

СРЕДИ читателей поэзии, безусловно, найдется так и не, которым очень нравится стихи Николая Савостина, вероятно, найдутся и такие, которым эти стихи понравились меньше, и, может быть, наконец, будут и такие, которым эти стихи решительно не понравятся; но даже эти третьи, если они люди добросовестные и доброжелательные, искренне любящие поэзию, не смогут не согласиться с тем, что познакомившись с работой по-настоящему способного поэта, что перед ними стихи в подлинном смысле этого слова. Это мое утверждение может показаться триумфом или нелепо, и некоторые читатели, вероятно, недоуменно пожмут плечами. «Вот это здорово», — подумают они, — хвалить стихи за то, что они являются стихами в подлинном смысле этого слова! Разве бывает стихи и не в подлинном смысле этого слова? Вот-то и оно, что бывают, и это хорошо известно людям, которые много и специально занимаются поэзией, читают огромное количество рукописей молодых и начинающих поэтов, и не только рукописей, но и сборников, и журнальных подборок, и порой не только молодых и начинающих. Они знают, как много у нас стихов, которые могут называться стихами только формально, по признаку наличия в них некоего стихотворного размера и ритма, стихов, в которых начисто отсутствуют поэтическая мысль, поэтическое чувство, наконец, самое понимание того, в чем существует поэзия, что составляет ее задачу.

ДОВОРОГО ПУТИ

Стихи

Николая Савостина

А вот в стихах Николая Савостина все это есть, — одно из них может показаться вам сильнее, другое слабее, но в каждом его стихотворении присутствует своя собственная поэтическая мысль, пережитая своим сердцем, согретая своим чувством. Тут можно было бы не ставить точки и заключить это утверждение тем, что при таких несомненных и самых главных достоинствах, как вышеназванные, не имеют уже большого значения и отдельные, частные недостатки стихов Николая Савостина: неточность и неуклюжесть некоторых образов, небрежность и неясность некоторых ритмов, — но это было бы глубоко несправедливо.

Вот в тех случаях, когда приходится иметь дело со стихами, именуемыми поэзией, следовало бы прежде всего спросить себя: а ведь в стихах Николая Савостина нет и того, что называется поэзией в подлинном смысле слова. Нет в них поэтической мысли, поэтического чувства, поэтического ритма, поэтического языка, поэтического строя. Нет в них поэтической мысли, поэтического чувства, поэтического ритма, поэтического языка, поэтического строя. Нет в них поэтической мысли, поэтического чувства, поэтического ритма, поэтического языка, поэтического строя.

я потребовать, чтобы он с этим справился, потому что ему это по силам, — ведь эти мелочи подчас содействуют к отличиям, чеканными строчками, которые предостерегают его от соображений, налет которой подчас присутствует в его стихах. И главное, следовало бы посоветовать молодому поэту скорее расширить круг тем, острее и с разных сторон всматриваться в жизнь, стараться говорить о самом главном, о самом нужном для людей. Я уверена, что Николай Савостин поймет меня правильно, — речь идет вовсе не о том, чтобы он, пользуясь профессиональным умением писать стихи, стал бы писать обо всем на свете, подменяя истинно поэтическое проношением в тему описательными и рифмованными сообщениями, поэтическими сообщениями, поэтическими сообщениями, поэтическими сообщениями.

Вот в стихах Николая Савостина все это есть, — одно из них может показаться вам сильнее, другое слабее, но в каждом его стихотворении присутствует своя собственная поэтическая мысль, пережитая своим сердцем, согретая своим чувством. Тут можно было бы не ставить точки и заключить это утверждение тем, что при таких несомненных и самых главных достоинствах, как вышеназванные, не имеют уже большого значения и отдельные, частные недостатки стихов Николая Савостина: неточность и неуклюжесть некоторых образов, небрежность и неясность некоторых ритмов, — но это было бы глубоко несправедливо.

А вот такому несомненному поэту, как Николай Савостин, можно помочь и нужно помочь, требуя от него упорной работы над отдельной строкой, каждой строкой, каждого слова, спрашивая с него совершенствования и развития его таланта, приобретения мастерства. Стоит обратить его внимание на то, что в превосходном, на мой взгляд, стихотворении «Отцы», полным внутренним драматизмом, полным энергией и подлинным поэтическим волнением, есть такой неточный образ: «и, как огонь, пылают лобы»; стоит сказать ему, что стихотворение звучало бы еще энергичнее, если бы последние строка его, очень весомая и ударная, не была бы ослаблена и замедлена глаголом «должен был».

Остается добавить только то, что Николай Савостин — забайкалец, живет и работает в Чите, где уже несколько лет печатаются его стихи. Пожелал же молодому поэту доброго пути в соответствии с заголовком нового раздела «Литературной газеты», а газете в свою очередь пожелаем, чтобы этот славный заголовок почаще появлялся на ее страницах.

КОРОТКО О КНИГАХ

Новое издание «Аэлита» В массовой серии Гослитиздата впервые за многие годы переиздана «Аэлита» А. Толстого. Каким широтой в свободном полете творческой фантазии художника, сумевшего с такой легкостью перенести своих героев на Марс, рисоваться пейзажи и быт далекой планеты! Конечно, скрининг инженера Лосы значительно проигрывает рядом с межпланетным атомным кораблем современного фантаста. Зато сколько силы, революционного бунтарства в образе Гусева — этого простого солдата революции, шагавшего в космические просторы. Он и там, вдали от родины, остается самим собой, прощая жажду к свободе в сердцах угнетенных марсиан. И хотя представляется о революции не было у писателя в ту пору еще достаточно четким, — эта романтическая книга волнует мысль, будит интерес к науке. Автор переработал когда-то для детей и юношества два своих лучших фантастических романа — «Гиперболоид инженера Гарина» и «Аэлита», но даже и в этом исправленном самом Толстым варианте оба произведения продолжают смущать некоторых не в меру строгих опекунов детского чтения. Ни в Детгизе, ни в «Молодой гвардии» романы, положившие начало советской фантастике, не переиздаются, несмотря на то, что сказано столько справедливых слов в защиту этого жанра.

В тропиках В апреле 1947 года теплеход «Грибоедов», имея на своем борту группу советских ученых, отплыл из Лиепая в Бразилию. Участник этой экспедиции, ботаник П. Ролдин, в своей книге «Путешествие в тропики» (Детгиз, Ленинград, 1955, 220 стр. Цена 4 р. 55 к.) и рассказал об этом увлекательном путешествии по Южной Америке, о богатейшей тропической флоре Бразилии и Аргентины и о том, как тяжело живет трудящийся народ в этих изобильных странах. Читатель узнает из книги о таких растениях, как авокадо, перси, манго, гуава, дынное, хлебное и шоколадное деревья, о различных видах пальм, об аргентинском твердешном дереве кебрачо, что в переводе означает «сломай топор», и о других полезных растениях, многие из которых успешно произрастают и на юге нашей страны. Это богатую познавательным материалом и в то же время живо и просто написанную книгу с интересом прочтут не только юные, но и взрослые читатели. Многим она уже, может быть, знакома по изданию ее в Географизме — «Пять недель в Южной Америке». Жаль только, что в свою новую, переработанную для Детгиза книгу автор не включил интересные фотографии, которыми в прежнем издании сопровождался его рассказ.

В двадцать седьмой раз... Вновь, в двадцать седьмой раз, издана книга Дм. Медведеля «Сильные духом» (Воениздат, 492 стр. Цена 9 руб. 40 коп.). О мужестве и героизме советских патриотов-разведчиков, о неизменной вере в победу и негасимой воле народа рассказывает Герой Советского Союза Дм. Медведев. Славная героика этих лет долго еще будет волновать сердца.

Хотелось бы напомнить теперь и о необходимости отдельного издания повести Дм. Медведеля «На берегах Южного Бугая», опубликованной в 1952 году в журнале «Жуковские» и подтвержденной несправедливой, клеветнической критике за якобы имевшей в ней место искажение облика подлинных героев вымышленного подполья. С этой интересной повестью недавно скончавшегося писателя необходимо познакомиться широкие круги читателей.

Рассказы Гашека На обложке сборника рассказов Я. Гашека «Сун для бедных детей» (Гослитиздат, 1955, 96 стр. Цена 1 руб.) — фигура лохотонного аристократа со стеклом в руке, выматывающего разглядывающего солдатские сапоги в котле с супом. Это герцог Роберт — герой одного из рассказов сборника в разгаре своей «благотворительной» деятельности. Произведения Ярослава Гашека хорошо известны в нашей стране. Сильные убийственным сарказмом, они отразили самые отрицательные стороны современной писателю действительности, и каждый из нас с интересом перечитает их.

ОТЕЦ

Как молнии, свергают шашки
В дыму горящего села.
Боец в разорванной рубашке
Подброшен вихрем из седла.

Все затянуло красным дымом,
И как огонь, пылает лоб.
Друзья летят галопом мимо —
На Перекоп, на Перекоп...

Нет, умирать нельзя так рано,
Во что бы то ни стало встать,
Ему в пустынях Туркестана
Еще не мало воевать.

Ему еще на льду кронштадтском
Сражаться надобно потом,
И на заводе сталинградском
Еще работать кузнечком.

...Дрожит и меркнет свет в тумане,
Под ним колыхается земля.
Но он поднимается, он встанет,
Ведь должен был родиться я!

Скованы железом и печалью,
Каторжники шли по Забайкалью.

В тишине тоскливый звон кандалов,
Дальний край суровой, край ослепший.

Шли здесь люди в ледяные дали
И сердцами солнцем согревали.

Сколько здесь сердец таких томилось,
Сколько здесь сердец исполнилось.

Может, потому оно такое...

Солнце в Забайкалье золотое...

Пора покоса поздних трав,
И осень — след за нею,
И солнце, к утру западав,
Становится скунее.

Но кто посмеет осудить
Уставшее светило,
Что приняло оно копить
Перед зимой силы!

Ему запас тепла иметь
Не липша. Ведь придется
В мороз светить и землю греть
И за него бороться.

ВЫРУБКА

Если острая макушка, —
Значит, дерево растет.
Лесорубы оставляют
Острокорень на развод.

Будто бор ушел походом
И поставил их в наряд, —
Часовым на деланье
Сосны стройные стоят.

Подрастает год от года,
И не думают про то,
Что их сменяет непременно
Лет примерно через сто.

Анкета

Анкета заполняла, ась, ась, ась, ась,
Весь день, что за спиной уже имеешь,
Немыслимо так кратко рассказать,
Родители...

Как опишу я мать,
Ее тепло, заботу и тревогу?
Работа...

Ну, а где же про друзей,
Жизнь без которых значит так немного,
Что и писать не стоило б о ней?
Раскладывая жизнь свою в анкете
По полкам аккуратно, как в шкафу.
Жаль, для любви не отвели графу.
А как бы жил я без нее на свете!

ЧНТА Николай САВОСТИН

ДАЛЬНИЙ ПОЛУСТАНОК

Бледнеет синева небес от зноя,
А влжний бор как будто задремал.
И к запахам цветов травы и хвои
Примешан аромат горячих шпал.

Повис дымок, оставленный составом,
Недвижим коршун в знойной вышине,
И лишь лениво, плывущая в травках,
Гудит пчелка, словно в полусне.

Когда здесь поезд встанет на минуту,
Проводники поспешно рвут цветы,
Чтоб в знак любви преподнести кому-то
Хоть б частью этой красоты.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

Молодая газета

В доме № 11 по улице Пролетарской размещаются правление Союза писателей Казахстана и три редакции: журналов «Алтын жол» («Золотой путь») («Литература и искусство») и «Советский Казахстан», и газеты «Казах адебиети» («Казахская литература»). От дружной взаимодополняющей работы этого «штаба» во многом зависят дальнейший рост казахской литературы, укрепление деловой творческой атмосферы в писательской организации.

Казах адебиети» утверждает себя как газета широкого профиля, стремится стать важными, острыми вопросами многогранной жизни и быта родной республики. Здесь и разговор о культуре и литературе в пространстве книги, и требование решительно улучшить обслуживание пассажиров на железной дороге, и призыв к увеличению производства кумыса — ценнейшего лечебного питья.

Особенно горячий отклик среди общественности встретили боевые выступления газеты против проявлений невежества и безкультурья в быте колхозного аула. Подобные факты вылают порой за пределы, выходящие в плоть и кровь; на самом деле они живут из-за того лишь, что есть кое-кого руковолящие, не дающие всерьез о культуре быта народа, не ведущие борьбы с пережитками прошлого.

Правда, не всегда еще достаточно умело ставят редакцией вопросы крупные, боевые; многие материалы носят описательный характер, иногда просачиваются статьи по мелким, частным вопросам. Но все это, пожалуй, от молодости газеты, от отсутствия необходимого опыта. Важно отметить главное: несомненно правильное стремление газеты занять активную позицию в повседневной жизни народа, не замыкаться в узкие внутрилитературные рамки. Это создает богатые возможности измерять достоинств и недостатки книг высшим критерием — верностью действительности, пропагандировать действенное творчество литературы в жизнь.

Поэтому так весомо прозвучали переводы статьи, в которых газета ясно и четко сформулировала свою позицию по важнейшим вопросам литературной жизни: «К новым вершинам», «Критика должна быть смелой, мысли глубокими», «Секретами

романа «Целина» С. Муканов, над киноэссе о животноводстве — М. Ауэзов, усисую работают над новостями о работниках сельского хозяйства Г. Сланов, С. Омаров, Б. Сатыбадин, над циклами рассказов — А. Саресыбай, М. Иманжанов, над пьесами — А. Абишев, Ш. Хусайнов, над стихотворениями — Х. Бурганов, Б. Бекхожин, Т. Жароков, Ф. Моргун, В. Горбунов, Л. Кривошеков.

важное выступление газеты за многообразие творческих интересов, за тематическое богатство литературы могло бы оказать реальную помощь писательской организации.

Но наиболее всего недостаточная активность газеты отражается в практике рецензирования вновь появляющихся произведений. За эти месяцы появились квалифицированные, содержательные рецензии Х. Бурганова на стихи С. Муканова, Х. Бекхожина — на коллективный сборник очерков «Дыхание весны», Ж. Молдагалиева — на новый вариант поэмы Х. Бекхожина «Мария лопь Егора» и т. д. Казахские же, все в порядке — выходит книга, появляется рецензия.

не по-боевому, наступательно решать сложные вопросы.

Обратимся к дискуссии по истории казахской литературы. Важное и насущное дело затеяла редакция! До последнего времени не была дана правильная оценка творчества многих литераторов прошлого, под влиянием вульгаризаторской критики произведения их замалчивались. Газета поступила правильно, начав с некоторых произведений, а именно с повести С. Георгиевой «Паллины часы». Вместо дружбы может возникнуть неприязнь, если отец сразу же хочет стать первым в семье, забывая в своем эгоистическом желании о крепкой привязанности ребенка к матери и родному отцу, как, например, произошло в повести Л. Карелина «На тихой улице».

Здесь же Григорий Ильяч и пытается быть товарищем и бережно относится к памяти умершего отца. Но к дружбе с сыном он идет неверным путем, путем мелкого эгоизма.

Постоянное привлечение одних и тех же авторов не может не склеивать возможный планирования номеров, заставляет редакцию испытывать постоянный голод в материалах и, как следствие этого, писать скупые, недоработанные статьи и художественные произведения.

ИЗ АМЕРИКАНСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Ольс ГОНЧАР

Из Нью-Йорка мы вылетели под вечер, когда солнце еще не зашло, а луна уже взошла, и вот они, два светила, разделенные небом и океаном, встали друг против друга на горизонте, как бы застыли на некоторое время, как бы соревнуясь, кому из них предстоит осветить планету...

Четырехмоторный гигант идет на большой высоте, устремившись ввысь материка на север. Далеко внизу еще таят тенью темной полосой пустынное побережье, взблескивает озеро, заливы — типичный северный пейзаж... Все темнее и темнее становится видзу. Кое-где уже вспыхивают редкие, наверно, рыбацкие огоньки, а здесь, в светлом роскошном подблеске, еще дождь и красочно угасает закат.

Наконец — угас... В сумеречной тишине самолета вдруг слышится голос, суровый, несколько горестный. Обращаясь через микрофон к пассажирам, он сообщает:

— Материк остается позади. Поворачиваем на Атлантику.

Неожанная призрачная ночь проплывает за окном, слегка мерцает при луне безбрежный, растлающийся в бесконечности простор океана... Вот мы и покидаем эту землю, некогда открытую каравеллами Колумба, землю, которая и до сих пор еще многим кажется загадочной. Несколько столетий назад она встречала мореплавателей разве что настороженными косяками пингвинов, теперь она встречает прибывающие корабли мириадами электрических огней да темными утесами небоскребов, заслоняющих собой звезды. Ночью при подходе к городу вымазанные ввысь небоскребы поражают вас своим почти фантастическим видом. Угольно-черные, лишь изредка освещенные желтыми глазами окон, они возникают из тьмы горизонта как-то неожиданно, внезапно и будто падают, нависая над вами отсюда всей своей темной громадой на человека.

...Ровно, четко работают моторы. Не спится. Думно об увиденном, услышанном, пережитом за эти дни буроработ, волнуется.

Дважды за это время нам пришлось пересечь американский континент. Небоскребные утесы городов сменялись первоначальной тишиной прерий, белоснежные вершины западных гор — цветущими магниями «золотого штата» — Калифорнии. От атлантического до тихоокеанского побережья пролегал наш путь. Нам представилась возможность увидеть огромную страну с движущейся многоцветной радугой автострад, с асфальтом чикагских боен, с бесплодными горами и необжитыми, намертво опаленными ее пустынями... При разных обстоятельствах — порой, правда, лишь мимолетно — мы встречались с многими людьми, относясь к ним без предубеждения, стараясь поближе узнать их жизнь, их нравы, истинные настроения их умов и сердец.

О некоторых из этих встреч, о впечатлениях, которые они оставили в душе, и хочется здесь рассказать.

С чего же начать?

Ну, конечно, Робсон... Человек, воплощенный в себе лучшие черты своего народа, честный и мужественный борец за дело мира, за укрепление дружбы между народами, он, как известно, пользуется огромными симпатиями не только в Союзных Штатах, но и во всем мире. Естественно, что нам, советским людям, при вступлении на эту землю, очень хотелось увидеть американского певца в его родной среде, послушать здесь его песни. Встреча все не удавалась. Лишь под конец пребывания в США нам представилась случай побывать на концерте Поля Робсона.

Было это в Сан-Франциско. Робсон приехал сюда выступать в те дни, когда в здании оперного театра происходили заседания Юбилейной сессии Организации Объединенных Наций. Речи о мире, произносившиеся многими делегатами с высокой трибуны ООН, знаменитый певец как бы хотел подчеркнуть своими пламенными песнями. Концерт его был устроен в зале одного из крупнейших отелей Сан-Франциско. Первое, что поразило нас, — это то, что среди пришедших на концерт было очень много (если не большинство) беженцев, которые держались по отношению к неграм совершенно дружески, товарищески. Здесь не было места духу расовой дискриминации: видимо, могучие песни Робсона обладают замечательной способностью «плавать», объединяя людей различного цвета кожи.

Песни и разные входы в зал с раскладными стульчиками в руках, сами расставляя их, усаживаются рядом. Вот уже зал переполнен, даже в боковых фойе все места заняты.

На сцене — рояль, простая трибуна с микрофоном, утопающая в живых цветах. Волнующие минуты ожидания. И вот он появляется: большой, знакомый, широко, от души улыбающийся всем...

Быстрой, энергичной походкой идет к трибуне. Гремят стулья, все встает, горячая овация потрясает зал. Многим Америка известна по судам Линча, по жестоким процессам над неграми, — есть и такая Америка. Но вот, когда сотни беженцев вместе с неграми в восторженном порыве поднимаются с мест, чтобы стая приветствовать общего любимца, знаменитого негритянского певца, — это тоже Америка!

Когда Робсон, стоя на трибуне, поет, меня не покидает ощущение чего-то близкого, родного... Кого он напоминает? Думаю, что, наверно, таким был наш Маяковский, когда он выходил на свои громкие встречи с публикой. Та же динамика, тот же бас, а главное — сердце, полное огня, сердце природного борца и трибуна. Как и эта его широкая алая улыбка, все оно, его сердце — поуще, могучее, человеческое, — раскрыто навстречу людям. Как и Маяковский, он трибуна по самой своей натуре, чувствует, что нормальная жизнь для него и не мыслится иначе, как именно вот здесь, на людях, когда он отдает им всю страсть сердца, всю силу вдохновенных песен, так волнующе, так призывно рокошущих под сводами зала.

Он пел весь вечер. Легко представить себе, как радостно было нам, советским людям, находящимся за тысячи километров от родной земли, услышать здесь в исполнении Робсона наряду с другими и прекрасные песни нашей далекой Родины...

Объявлен перерыв, во время которого певучий-негритянский раздатчик слушателям какие-то листовки. Это что-то вроде петиции-обращения, адресованного госдепартаменту США с требованием выдать Полю Робсону заграничный паспорт, в котором ему отказывают вот уже столько лет. Листочки пошли по рукам, люди внимательно читают, ставят подписи.

Сегодня Робсон в Америке не одинок в благородном стремлении сыграть зорю дружбы между народами, веячески расширить взаимопонимание и доверие между ними. И хотя далеко не каждый с такой силой и страстью, как Робсон, поднимает голос в защиту мира, в защиту светлого завтрашнего дня человечества, однако знаменательно то, что идея мира, идея возможности мирного сосуществования наций все глубже проникает в недра народа, встречает все более горячую поддержку миллионов простых американцев.

Надежды на установление на земле прочного мира здесь каждый выразит по-своему. Однажды вечером в Нью-Йорке, на одной из прилегающих к Бродвею улиц, наше внимание привлекла огромная толпа. Мужчины и женщины, остановившись на тротуарах, на мостовой, с жадным и напряженным вниманием слушали речь молодого проповедника. Проповедник, крепкий, рабочего вида парень в спортивной безрукавке, энергично жестикулируя, посылал куда-то ввысь, к вершинам небоскребов, резкие короткие фразы — настоятельные мольбы о мире, которые по тону были похожи не столько на мольбы, сколько на требования убежденного в своей правоте человека.

Многие в Америке пока что предпочитают молиться о мире.

В Сан-Франциско во время нашего там пребывания происходил съезд лютеранской молодежи штата. Съехавшие со всей Калифорнии тысячи юношей и девушек в светлых нарядах, с делегатскими бисетами на груди наполнили город. В определенные часы они собирались в храм, и тогда можно было слышать, как многотысячный хор молодых голосов протяжно, печально пел псалмы в надежде, что мир снизойдет свыше... И пусть еще глуховато пел этот многотысячный молодежный хор, однако в нем уже чувствовалась мощь пробуждения тех огромных, жаждущих мира сил, могущих запелать которых на этом континенте можно по праву назвать Поля Робсона.

В прериях центральных штатов накануне ночью прошли огромной силы ливни, размыв до основания на протяжении многих километров железнодорожное полотно. Наш поезд, который до того мчался через страну с бешеной скоростью, тут вынужден был еде-еле ползти, останавливаясь, как говорится, «у каждого столба», у каждой стеной будки, в большинстве также перекосившихся, разрушенных ураганом.

Нанятые железнодорожной компанией рабочие, приехав сюда с бульдозерами, тракторами, уже ремонтируют путь. Среди рабочих есть аборигены, скаутские индейцы. Сколько продвигается вперед — вдоль пути все рабочие, рабочие... В брезентовых куртках и широкополых ковбойских шляпах, они, как богатыри, вращают землю, умело и быстро укрепляют рельсы поврежденного пути. Узнав, что в прокопленном составе едет советская делегация, они распрягаются, оставляют работу, поворачиваются к окнам вагонов, и светлые улыбки озаряют их суровые лица...

Никогда не забыть этих лиц, выражения этих глаз простых рабочих людей... Нет, не было в них неприязни — теплоты в них иное чувство к людям из далекой Советской страны. Была в этих глазах и тоска ветеранов, тоска о тех временах, когда войны наших армий, встретившись на Эльбе, дружески пожали друг друга руки. Была здесь и дума о судьбах детей, светилась и радостная надежда на будущее, на жизнь бестрепетную, безоблачную, согретую взаимным доверием и сотрудничеством.

Здесь же, в прериях, даже на глухих степных подстанках, когда поезд наш делал остановки, у вагонов советской делегации каждый раз собиралась толпа людей, среди которых можно было увидеть и железнодорожных рабочих, и обитателей фермы — владельца ранчо, и воздушных корреспондентов — представителей местной печати. Вот они, собравшись тут же на перроне, подносят руководителю советской делегации подарок — войлочные ковбойские шляпы на память о прериях, в знак дружбы и уважения... В зрелище этом, в дружеской волнующей встрече и расставании на открытом степном подстанке нет ничего уже от пресловутой, опустошающей людей «холодной войны».

Не раз мы потом убеждались, что желание жить в дружбе с советскими людьми — это желание многих и многих американцев. Помните, как во время перерыва на сессии ООН после выступления одного из наших делегатов пожилая женщина бросилась к нему со слезами на глазах, взволнованно заговорила:

— Спасибо вам от нас, американских матерей... Спасибо за доброе слово о мире!

Замученные атомным психозом, постоянной тревогой и длившейся годами напряженностью, миллионы простых американцев сегодня страстно ищут путей к нормальной жизни, путей к взаимному доверию, тесному сотрудничеству с народами других стран, особенно с великим народом советским. Уже первые признаки улучшения отношений между нашими странами встретили искреннее одобрение не только у нас, но и со стороны самых широких кругов американской общественности.

Поезда в Москву американских ветеранов встречали на Эльбе, взаимный обмен сельскохозяйственными делегациями и другие подобные факты явились не сами собой, они достигнуты в результате немалых усилий многих людей и убедительно говорят о том, что в недрах американского народа зреет все более активные силы, отвергающие «холодную войну», требующие установления тесных культурных и экономических связей между народами. Люди практические и деловые, американцы легко могут представить себе ту огромную взаимную пользу, которую принесло бы

тесное сотрудничество наших стран в области культуры, науки, хозяйства. Разве плохо было бы, чтобы встел за обменом сельскохозяйственными делегациями последовал, скажем, такой же обмен делегациями в области культуры, чтобы нью-йоркцы могли посмотреть искусство Улановой, а работники советской кинематографии — побеседовать с мастерами американского кино?

Установить плодотворное, основанное на взаимном доверии сотрудничество — в интересах и возможности самих народов, и ничто не должно помешать этому.

Есть в Организации Объединенных Наций обычай: в начале и в конце рабочих заседаний председательствующий объявляет минуту всеобщей тишины... «Минуту, посвященную Молитве или Размышлению». И как ни мал этот отрезок времени, порой и его бывает достаточно, чтобы человек, сосредоточившись, вдруг с особой остротой почувствовал свою человеческую сущность, свою ответственность за слова, которые он будет произносить, за поступки, которые он будет совершать в дальнейшем.

Предпоследнее заседание Юбилейной сессии ООН решено было провести за городом, в Калифорнийском университете. Расположенный среди огромного парка, открытый так называемый Греческий театр университета празднично украшен, высоко на арке реют знамена государств, входящих в Организацию Объединенных Наций. Это было самое многолюдное из всех заседаний. Кроме делегатов, съехавшихся на сессию из близких и далеких стран, здесь собрались также множество студентов, одетые в мантлы профессора университета, многочисленные представители разных слоев американской общественности. Слышен говор на всех языках земного шара. «Форум народов»...

Хорош в эти минуты Греческий театр, есть в нем в самом деле что-то от красоты античного мира, от времен, когда важнейшие общественные дела решались под открытым небом. Вокруг огромного, заполненного людьми амфитеатра высятся могучие эвкалипты, будто касаясь серебристыми вершинами яркой синевы небес... Вот долина неторок с океана, влажно закубились над деревьями дымящие облака, мгновенно затянули на какое-то время небо и снова рассеялись; уже прорывался сквоз их дельта, тающая кисеей, снова осветительно светит солнце.

Председательствующий объявляет торжественную Минуту. Встали, замерли люди, углубившись в себя, и только шелест на ветерке серебристые вершины эвкалиптов, только слышно, как поют где-то в глубине парка незнакомые птицы...

Глубокий смысл есть в этом молчании. Самые искусные речи ораторов не могли сказать сердцу больше, чем сказала эта минута, объединившая всех общей думой о мире, о дальнейших судьбах человечества.

Тронуло нас то искреннее доброжелательство, с которым провожали участников Юбилейной сессии студенты и преподаватели университета после заседания. Здесь, между прочим, нам стало известно, с каким нетерпением ждали воспитанники Калифорнийского университета приезда советской студенческой делегации — дружеской встречи, к которой горячо готовились и в которых, к сожалению, так и не состоялась в силу известных, не зависящих от советского студенчества обстоятельств.

Работа Юбилейной сессии близилась к концу. Один из наших делегатов, который был в Сан-Франциско в 1945 году, когда в торжественной и дружеской обстановке закладывались основы ООН, предложил совершить поездку в Рэдвуд — посмотреть «дерево Рузвельта».

— Что это за дерево?

Товарищ наш рассказал, что тогда, десять лет назад, участники сессии коллективно совершили поездку в знаменитый Рэдвудский лес и в ознаменование исторического события — создания ООН — заложили там памятную плиту, а также посадили молодое деревце в честь Франклина Рузвельта, горячего поборника идеи Организации Объединенных Наций. С именем выдающегося американского президента для каждого из нас, советских людей, были связаны воспоминания о том замечательном времени, когда наши великие народы тесно сотрудничали между собой, жили в дружбе, проникнутые общим благородным стремлением — развить фашизм, установить прочный мир на земле. Так как во время нынешней сессии организованной поездки в Рэдвуд не предвиделось, мы, несколько человек — посланцы Советской страны, решили из уважения к памяти президента совершить такую поездку в частном порядке, по собственному почину.

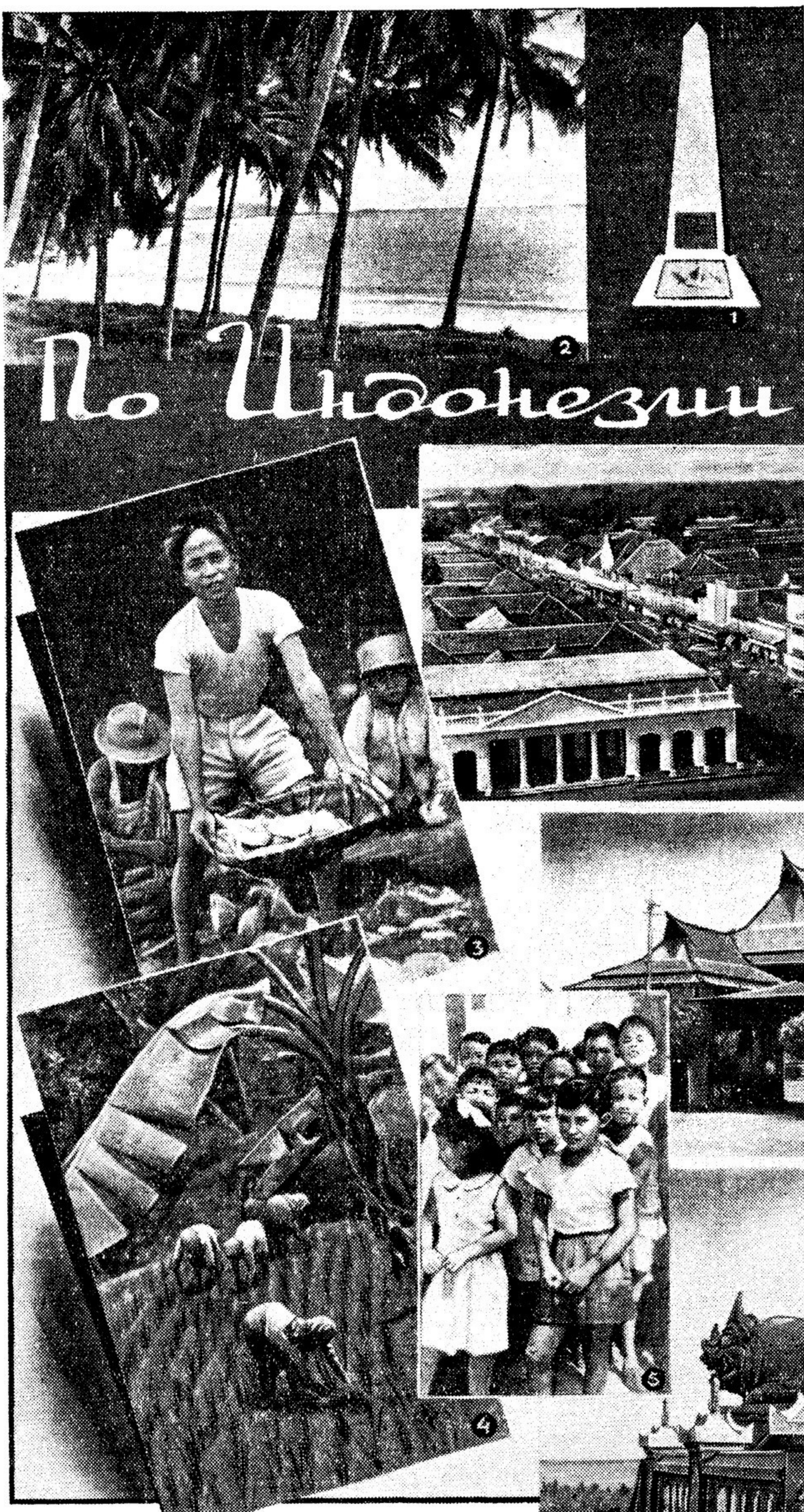
Итак, едем в Рэдвуд. Что такое Рэдвуд? В переводе это означает «красный лес» — так тут называют всемирно известный заповедник секвой, роуц мамонтовых деревьев, повсеместно погнанных и лишь каким-то чудом уцелевших в этом уголке земного шара. Секвойя — самое высокое дерево на земле и самое долговечное: возраст ее исчисляется несколькими тысячами лет. Был глубоко популярен в том, чтобы посадить молодое дерево дружбы именно в этом заповеднике, на этой благодатной почве, вскрывшей своими соками тысячелетних гигантов.

И вот мы въезжаем в сказочную роуцу, с незапамятных времен сохранившуюся в складках холмистой местности на побережье Тихого океана. Могучие, красноватого оттенка деревья-великаны обступают нас, смыкаются кронами над головой. Перешагивая через ручьи, по едва заметным тропинкам идем искать «дерево Рузвельта». Как оно, наверно, подылось за эти десять лет, как раскинуло молодые ветви, вылезшие из ладоней рук... И как же был огорчен и сконфужен наш добрый друг, инициатор поездки, когда после долгих и упорных поисков мы так и не обнаружили молодого деревца... Место нашли, и массивную памятную плиту с соответственной надписью тоже нашли, а деревца нет как нет... Где же оно?

— Может, вы забыли? Может, деревца и вовсе не сажали?

— Сажали!

— Тогда, может быть, не на этой поляне, а где-нибудь на другой?

Индонезийской республике 10 лет! Эту дату широко отметили во всем мире. Индонезийский народ завоевал свою свободу в тяжелых кровопролитных боях с колонизаторами. Нам он велел борьбу за ликвидацию последствий многовекового чужеземного гнета, за экономическое и культурное возрождение страны, за мир и сотрудничество между народами.

Сегодня мы помещаем фоторепортаж оператора кинохроники Владислава Микоши.

...17 августа 1945 года, в 10 часов утра, в Джайкарте была провозглашена независимость Индонезии. По инициативе индонезийской общественности, в честь этого исторического события воздвигнут обелиск (снимок 1).

...Остров Ява отделен от острова Суматры узким Зондским проливом. Косовые пальмы, подстилающие к самому океану, склоняются над изумрудными волнами (снимок 2).

Среди из наиболее развитых отраслей сельского хозяйства в Индонезии является добыча копри — мюччи, кокосового ореха, высушиваемого на солнце и используемого затем в качестве сырья для изготовления кокосового масла. Этот молодой крестьянин (снимок 3) несет в корзине раздробленную на ломты сердцевину кокосовых орехов. На снимке 4 показана пропалка риса на острове Ява, неподалеку от Бандунга.

Новое поколение индонезийцев должно быть грамотным. Начальники и средние школы возникают в различных уголках страны. На снимке 5 — школьный Джайкарты на перемене.

Снимок 6 — одна из улиц столицы Индонезии Джайкарты; снимок 7 — технический факультет индонезийского университета в Бандунге.

Остров Бали — один из самых живописных островов всего Малайского архипелага представляет собой как бы заповедник древней культуры. На снимке 8 — дворец, строительство которого было начато одним из раджей.

Страна моя!

Как ты богата, как прекрасна ты, Страна моя, простор необозримый! Тебе — сердце, тебе — одна — мечта, Как самой дорогой, единственно любимой.

Уперлись в облака вершины древних гор, Гуляет ветер в поле бездорожном. А глубина долины!.. Не оторвется взор. Тобой нелюбоваться невозможно.

Тут катит волны бурная река, Там пальма крону тешую колышет, И кажется — то машет вам рука И приглашает подойти поближе.

Леса непроходимы и огромны, А зелень вверх бежит — и вдруг сорвется вниз. Так ходят по морям большие волны, Глядя издали — и красоте дивись.

Морей твоих и не окинешь взглядом, Их бороздит «барашка» пенное стадо. Вот где раздельно сердцу рыбака — С сетями или с удочкой в руках!

Отчизна! О тебе все время в думках я. Пусть мир, довольство, Родина моя, Твоим удаем будут навсегда! Пусть не грозит тебе ни горе, ни беда. Перевел Василий ГРИШАЕВ

Дискуссия в Мюнхене

— Гм... Ну, допустим даже, что и на другой, — так должен же быть к нему какой-нибудь след? Не должна же туда зарасть, как говорится, народная тропа! Так мы и уехали из Рэдвуда, не увидев славного деревца. Однако мы верим, что оно где-то есть, где-то растет в лесной чащобе, развивается, набирается сил. Берем также и в то, что народ еще проложит к нему, дереву дружбы и мира, широкий, не зарастающий со временем путь...

Вот и ночь на исходе. Старая раздвигает шторки, за окном самолета заметно брезжит рассвет... Это была самая короткая ночь в нашей жизни: летим быстро, летим навстречу солнцу, соответственно переводим стрелки на часах...

Скоро Европа, скоро Родина... Что можно в итоге сказать родным советским людям, как будут отвечать на их вопросы о заокеанской стране? Вспомни отряды рабочих, которые ремонтировали в прериях размытый ливнями путь. Вспомни калифорнийских студентов и сельдогав маститых ученых, энергично выступавших в защиту мира, за установление тесных культурных связей со всеми народами. Вспомни, наконец, пламенные песни Робсона и взволнованные лица американских матерей, с горящей благодарностью пожавшими руки советским делегатам на сессии ООН за их доброе слово о мире. Эти раскрывшиеся, возбужденные лица, эти искренней надеждой смотрящие на вас глаза... Нет, нельзя ошибиться: Америка — это не Маккарти. Америка — это честный трудолюбивый народ, стремящийся к тому, чтобы жить в мире и дружбе с другими народами. Знаю, с каким нетерпением ждали американцы Женевского совещания, мы вместе с ними радуемся теперь успеху этого исторического совещания.

...Улетаем все дальше. Покидаем страну с укрепившейся верой в здравый смысл народа, с радостным ощущением того, что полулегендарное молодое дерево дружбы, посаженное в Рэдвудском лесу в светлые дни рождения Организации Объединенных Наций, что оно, это дерево, еще поднимется, разовьется в полную силу, пробьется ветвями к солнцу.

Алест восток. Куньши в утренней свежести, приплываю внизу ирокезские дуга Пранции, средневековые кварталы Амстердама, вот уже сверкает куполами небоскробов, сказочно прекрасный Париж, город, в который можно влюбиться, город революций, коммунаров, героев Сопротивления... А там, дальше на восток, уже в сиянии полного дня лежит благоденствующая земля, на которую сегодня с надеждой взрастает человечество — наша могучая миролюбивая Родина.

Июль, 1955

В МИРЕ ПОТЕПЛЕЛО...

— Пожалуйста, начинайте вы, товарищи! — Нет, пожалуйста, начинайте вы, товарищи! — Командир английской газеты «Дейли миррор»

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.